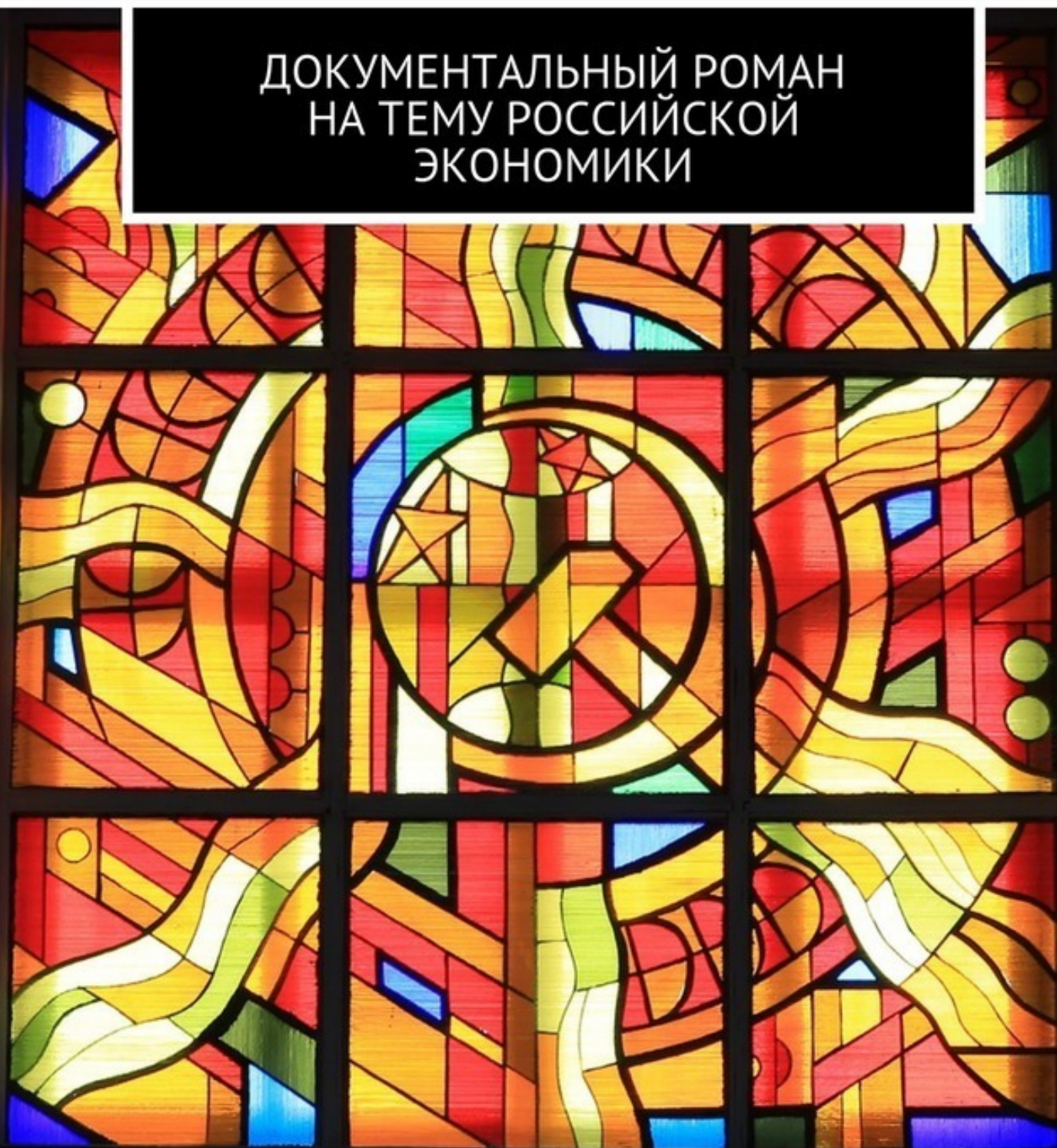

АЛЛАН КРОНЧЕР

PER ASPERA

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЙ РОМАН
НА ТЕМУ РОССИЙСКОЙ
ЭКОНОМИКИ

Аллан Крончер

**PER ASPERA. Документальный
роман на тему
российской экономики**

«Издательские решения»

Крончер А.

PER ASPERA. Документальный роман на тему российской экономики / А. Крончер — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-907344-0

Автор этой удивительной книги много лет проработал на Радио «Свобода» аналитиком и экономическим обозревателем. Опираясь на обширнейший документальный материал, он рисует правдивую, яркую эпическую картину хозяйственного уклада великой и несчастной страны — от разорительной революции до грабительской приватизации. И прислушаться к предупреждениям грамотного специалиста оказывается гораздо выгоднее, чем устранять последствия непродуманных государственных решений.

ISBN 978-5-44-907344-0

© Крончер А.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Постановка проблемы (1992 – 2015)	7
Приглашение в Страну Чудес	8
Строители пирамиды, или Человеческий фактор в советской экономике	10
Миф о «Homo Soveticus»?	12
Советские реформы советской экономики	16
Часть первая. Начало – семьдесят первый	18
Отъезд	18
Конец ознакомительного фрагмента.	27

PER ASPERA
Документальный роман
на тему российской экономики

Аллан Крончер

© Аллан Крончер, 2018

ISBN 978-5-4490-7344-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Посвящается моей жене Оле

Per aspera ad astra

(Через тернии к звездам, *лат.*)

Предисловие

Эта работа задумана как популярное изложение результатов моих исследований советской и пост-советской экономики России, полученных во время работы в Институте народного хозяйства им. Плеханова в Москве, а затем в Исследовательском центре Радио «Свобода» в Мюнхене, Германия, и во время пребывания в Испании.

Первоначально имелось в виду, что это будут две книги: о советской экономике 60-х и 70-х годов, и о событиях 80-х и 90-х годов, поскольку полученные результаты оказались в достаточной мере (мне даже хотелось сказать «в высшей степени») нетривиальными, но каждый раз что-то мешало.

В конце концов, уже теперь, в Израиле, я решил попробовать более легкую форму «романа-документа» и я надеюсь, что это получилось, имея в виду, что со временем мне всё-таки удастся превратить написанное в чисто профессиональную книгу (книги).

Изложение моих концепций «всерьез» начинается со второй части.

Прототип героя – реальная личность, профессиональный экономист, работавший в Исследовательском центре Радио Свобода сначала исследователем, затем руководителем Русской исследовательской группы, а потом редактором экономической программы, и выступавший по радио под псевдонимом «Александр Чернов», под которым он и был известен в России.

Роман имеет определенные автобиографические черты: многое (но не всё) из того, что происходит с героем или говорится о нём, действительно «имело место» в жизни автора.

И ещё одно. Работа, претендующая на серьёзность, не должна быть полемичной – «pop-olemical», как принято говорить. Я старался как мог, придерживаться этого правила, очень часто не давая событиям и людям их настоящих характеристик и воздерживаясь от использования ряда имеющихся у меня материалов, несмотря на их выразительность.

Но поскольку речь идет о том, что же, по моему мнению, происходило в российской экономике в действительности, у меня оставались только две возможности: время от времени давать оценки и событиям, и людям, в них участвовавшим – или не начинать работу вообще, поскольку без таких оценок она полностью теряла смысл. Кроме того, если не давать событиям и людям серьезную оценку, то можно с уверенностью ждать их повторения и прихода.

Я выбрал первый вариант – как вы видите. А в заключение – слова немецкого экономиста Вернера Зомбарта: «Задачей настоящей работы является лишь передача того, что я видел и попытка объяснить эти факты (В. Зомбарт, „Евреи и хозяйственная жизнь“, СПб, 1912, стр. XIII)».

Постановка проблемы (1992 – 2015)

«Если такое поныне происходит, значит, все идет нормально в Стране Дураков; значит, все грозные слова о неминуемых реформах остаются только словами, а в реальности все пребывает в исходном положении.»

(Олег Мороз, «Совковая пастораль», «Литературная газета», 09.12.92)

Приглашение в Страну Чудес

Передо мной лежат две газетных вырезки: одна из «Известий» от 18.12.92, другая – из «Financial Times» от 19.12.92, то есть опубликованная днем позже. В первой сообщается, что госбюджет сбалансирован, во второй – что дефицит российского бюджета растет. Интересно, не правда ли? Но увлекательность ситуации не исчерпывается только этим одним, хотя и очень разительным противоречием, наоборот, это только начало, и, разумеется, сообщение «Известий» выглядит гораздо интереснее сухой информации «Financial Times».

Сделаем еще один шаг дальше и продолжим чтение заметки «Известий»: «Индекс насыщенности потребительского рынка за первую неделю декабря достиг максимума в нынешнем году». Подождите, подождите, это еще не повод радоваться, и не только потому, что этот самый высокий за год индекс насыщенности составил всего-навсего 64%.

Нет, дело оказывается в том, что «это не означает, что стало выпускаться больше продукции. Просто (просто!) стоимость товаров первой необходимости теперь так высока, что поглощает все средства населения, и люди не могут позволить себе ничего лишнего».

Вы, может быть, подумаете: «Да разве можно считать «насыщенностью рынка» положение, при котором покупателей с рынка выгнали, дверь за ними заперли и стали радоваться, что две трети товаров на нем из-за недостатка денег у населения больше не находят сбыта – а именно так надо понимать в этих условиях цифру «64%»».

Ваше изумление было бы оправданным в любой точке земного шара, за исключением Страны Чудес. Здесь эта ситуация представляется простой и понятной. Более того, по мнению руководителя Рабочего центра экономических реформ при российском правительстве Андрея Илларионова (вы видите, что все идет «на полном серьезе»), процитированному в «Известиях», «это свидетельствует, что экономика ноября-декабря является гораздо более рыночной, чем она была когда-либо раньше».

Понимаете? Здесь называется рыночной экономикой хозяйство без товаров и без покупателей, только с одними высокими «освобожденными», или, еще лучше – почти поэтично, «либерализированными» ценами. Не понимаете? Все правильно, или, как выразился в приведенной в эпиграфе цитате Олег Мороз, все нормально: правильно, что не понимаете, ваша логика здесь неприменима, здесь действует другая, своя, более удобная.

В соответствии с этой логикой не рынок создает цены, а цены создают рынок (для этого, как в свое время было сказано, их и «освободили»), рынок, на котором поведение покупателей диктуется не спросом («платежеспособным спросом»), а только ценами: не можешь – не покупаешь. И чем более покупатель попадает под диктат этих цен, тем более «рыночной» становится экономика, хотя ничего общего с нормальным рынком эта ситуация не имеет.

Эта страна имеет свою собственную, не похожую ни на какую другую экономику, населена людьми, не похожими на других жителей планеты, со своей логикой, моралью, стандартами поведения, которые бы вызвали изумление где угодно, но не здесь – здесь все это логично, последовательно, а, главное, на месте.

И все же я не назвал бы это место «Страной Дураков». И не только потому, что то, что позволено Олегу Морозу, не позволено стороннему наблюдателю. Я тоже, как и он, полагаю, что эта система последовательна и логична, только эта последовательность и логичность определяется ненормальными обстоятельствами, в которых находится население этой страны, и уже очень давно.

Другими словами, в этом безумии видна система, как сказано в «Гамлете», но в основе этой системы лежит безумие. Безумны не столько люди, сколько безумны обстоятельства, в которых они находятся, и люди действуют соответственно этим обстоятельствам. Вот почему

я предпочитаю называть эту местность Страной Чудес, а не как-либо иначе, хотя чудеса эти по большей части жутковаты.

Ну, а как же на самом деле дефицит госбюджета – исчез он или вырос? Если вы хорошо почувствовали особенности Страны Чудес, то поняли, что никакого «на самом деле» в ней нет и быть не может. Это как в теории относительности: все зависит от точки зрения. Если посмотреть под одним углом, то дефицит вырос, а под другим – исчез. Точно так же и с рынком: по одной точке зрения потребительский рынок давно рассыпался и как упорядоченное явление больше не существует, а по другой – экономика стала рыночной «как никогда ранее».

Сказанное позволяет сделать важный вывод: чтобы увидеть, как выглядит Страна Чудес на самом деле, надо выйти за ее пределы – и не столько физически, сколько умственно, поскольку жителем этой страны можно оставаться даже за ее географическими границами. Перестать быть ее обитателем в отношении своей ментальности.

Возвращаясь к начатой теме, отметим, что, конечно, в других странах и бюджетный дефицит, и потребительский рынок – понятия вполне определенные, но в том-то и прелесть Страны Чудес, что в ней все (или почти все) не так, как в других местах. И если вы почувствовали волнующую атмосферу Страны Чудес, заинтересовались ею и увлеклись ее тайнами, то перешагнем порог и начнем путешествие.

Впрочем, это путешествие будет далеко не полным, так сказать, только экскурсия: я экономист и познакомлю вас, главным образом, с одним регионом этой страны, хотя одним из самых обширных и, по-моему, одним из самых увлекательных – я хорошо помню неподдельное изумление и интерес западных студентов-славистов, которые у них вызвал мой рассказ об экономике, где безнатурную продукцию перевозят по бестоварным накладным для безыменклатурной реализации (о чем еще пойдет речь).

Итак, в путь! Впрочем, еще нет. Перед путешествием надо выяснить очень важный вопрос: «Если это – Страна Чудес, то ее, видимо, населяют счастливые люди?» Вопрос далеко не праздный, поскольку характер экономики определяется в первую очередь характером людей.

Как я убедился, ментальность населения – главный фактор экономического развития, поэтому, по обычаю этой страны, присядем перед отправлением в путь и попробуем в этом разобраться.

Строители пирамиды, или Человеческий фактор в советской экономике

Немного поколебавшись, отвечаю: нет, хотя это страна – действительно, страна нередко невероятных чудес, и чудес и смешных, и грустных (часто одновременно), но населяют ее несчастливые люди, которые научились с помощью различных приемов (или их научили) бывать время от времени счастливыми, кое-кто – довольно часто, а некоторые – даже всегда.

Те, которым удалось внушить, что им невероятно повезло родиться в государстве рабочих и крестьян, оказались самыми счастливыми. Люди, убиваемые медленно – условиями существования, или быстро – репрессиями и неудачными, пусть даже выигранными войнами, пели о том, «в какой стране нам повезло родиться», и что им «с каждым днем все радостнее жить». И многие из них, действительно, ни с кем не поменялись бы местами.

Это был тип, наиболее близкий к идеальному типу «строителя социализма», без которого эта экономика не могла бы существовать. Создание этого типа – «советского человека» обеспечило начатому в 1917 году эксперименту продолжительную жизнь почти в семьдесят лет, если не гораздо больше.

«Советский человек» – это «строитель социализма», прежде всего, советской экономики, великой «Пирамиды», на вершине которой находится очередной генсек (генеральный секретарь компартии Советского Союза), а внизу – бесчисленное количество ее строителей, «трудо-вые коллективы», работающие главным образом из потребности к труду на благо государства.

Когда я писал эти строки впервые (в 1992 году), я был убежден, что советская экономика совсем не умерла. Она продолжает существовать, пусть даже и тяжело больной, может быть, даже агонизирующей. И очень похоже, что это происходит и сегодня.

А может быть, это даже не агония, а мучительные, но безуспешные попытки приспособиться к новым условиям – уж очень много общего между «старой» и «новой» хозяйственными системами, в первую очередь, их какая-то нереальность, «ненастоящность», о которой речь пойдет впереди.

Фактором стойкости в высшей степени неэффективной хозяйственной системы была стойкость психологии «советского человека», которая после 1985 года внешне изменилась очень сильно, а в действительности часто лишь реагирует прежним образом на новые условия, так сказать, засверкала прежними гранями под лучами нового света.

В некоторых случаях неизменность психологических реакций поразительна. Пионерки, благодарившие Сталина за «счастливое детство», состарились и стали благодарить Егора Гайдара, доведшего их до еще большей нищеты и страданий, за «счастливую старость», как это можно было увидеть из письма, опубликованного в «Известиях» 27.03.92.

Автор, петербургская пенсионерка, взывала к сознательности российских граждан («нас просили затянуть пояса, перетерпеть») в тех же самых выражениях, которые использовались для обращения к населению в течение всех лет существования советской системы. И эта готовность терпеть лишения в уверенности, что жертвы и готовность их приносить – обязательные условия построения счастливого будущего, позволяла неэффективной экономике существовать в течение очень долгого времени.

Значит, «советский человек» был успешно создан?

Нет. Система добилась успеха лишь в определенной трансформации человеческой психики. Обычное человеческое сознание было искалечено, в результате чего и возник так называемый «Homo Sovieticus», но это не был (в большинстве случаев) человеческий тип, с помощью которого система могла вполне успешно работать.

Система пыталась получить от него как можно больше и дать ему как можно меньше. Но и созданный системой человек вел себя точно так же, стараясь поменьше дать и побольше

получить, компенсируя себя за то, что система ему недодавала или лишала совсем – вполне нормальное, сообразное обстоятельствам, экономическое поведение, которое разрушало систему.

Героическое, а скорее, успешно индоктринированное, меньшинство населения, готовое на любые жертвы, не могло компенсировать недостаток жертвенного духа другой части людей, продолжавших вести себя как более или менее нормальные люди, оказавшиеся в ненормальных условиях, на что система не была рассчитана.

Вспоминая роман Виктора Гюго, можно сказать, что да, «человек, который смеется» был выращен, помните – будучи помещенным в железную вазу, в данном случае – в железную вазу марксистско-ленинской идеологии и диктатуры, но он, как и у Виктора Гюго, оставался человеком – искалеченным, но все же человеком.

Без этого, без более или менее нормальных людей в вашем окружении, существование в советской системе для очень многих было бы абсолютно невыносимым, а то и невозможным (знаю по собственному опыту).

Другой важный фактор заключался в том, что никакие жертвы не в состоянии спасти неэффективную хозяйственную систему. Жертвы продлевают ей жизнь, но не могут сделать ее здоровой и жизнеспособной. Люди старались сделать свою жизнь получше, а себя – благополучнее, что им в определенной степени удавалось, часто за счет системы, и вот тут она начинала «пробуксовывать».

Попытки же дать людям немного больше, чтобы стимулировать их труд, были началом конца системы (да, который все еще полностью не наступил), капитуляцией или, лучше сказать, признанием неспособности системы создать нужный ей человеческий тип, работающий из одной только потребности работать.

Система потерпела неудачу именно на «человеческом факторе», на людях, которые не протестовали и не сопротивлялись в своем большинстве, но и не подчинились системе полностью.

Это был своего рода описанный Салтыковым-Щедриным «бунт на коленях», когда не высказывается открытое недовольство, но нет и настоящего подчинения. Люди стремились выжить, и выжить по возможности получше, и это разрушало систему, в которой давно уже не было ни революций, ни заговоров, ни организованного сопротивления.

Строители и слуги советской пирамиды, о которой пойдет речь дальше, были одновременно ее разрушителями и врагами – даже тогда, когда они работали над ее постройкой.

Миф о «Homo Sovieticus»?

Так значит, «советский человек» не существует, есть лишь деформированный тип обычного человека?

Нет, и этот ответ недостаточно верный. На мой взгляд положение выглядит следующим образом.

Есть определенный психологический тип, представители которого встречаются не только в советской России.

Вспомним Салтыкова-Щедрина, который описывал Россию второй половины XIX века, где-то 140—150 лет назад. Его описания, в том числе и человеческих типов, в первую очередь в повести «Господа ташкентцы», хорошо подходят и к советской России, и к перестройке, и к послеперестроечным временам.

Стало быть, тип, который называют «Homo Sovieticus», существует на территории России не менее 140 лет и, следовательно, свойственен не только советской системе? Позволю себе длинную цитату из Щедрина (с некоторыми сокращениями).

«Ташкент, как термин географический, есть страна, лежащая на юго-восток от Оренбургской губернии. ... Как термин отвлеченный Ташкент есть страна, лежащая всюду, где бьют по зубам, и где имеет право гражданства предание о Макаре, телят не гоняющем (*т. е. ссылка, сослать «куда Макар телят не гонял», АК*). Если вы находитесь в городе, о котором сказано: жителей столько-то, приходских церквей столько-то, училищ нет, библиотек нет, острог (*тюрьма, АК*) один и т. д. – вы находитесь в самом сердце Ташкента.

Наш Ташкент, о котором мы ведем здесь речь, находится там, где дерутся и бьют.

Я заключил, что кроме тех границ, которые невозможно определить, Ташкент существует еще и за границую.

Ташкент удобно мирится с железными дорогами, с устностью, гласностью, одним словом, со всеми выгодами, которыми, по всей справедливости, гордится так называемая цивилизация. Прибавьте только к этим выгодам самое маленькое слово: фюить! (*ссылка, сослать, АК*) – и вы получите такой Ташкент, лучше которого желать не надо».

Другими словами: по мнению Щедрина, Ташкент как понятие, и ташкентцы как тип могут существовать везде и всюду. Добавим: и в любые времена.

Я думаю, что все попытки ответить на вопрос: что же все-таки такое «Homo Sovieticus» будут беспредметными, пока не удастся выделить его определяющие, неповторимые черты – если они есть...

Я понимаю, что здесь открывается невероятно широкий простор для творчества и воображения. Поэтому я ограничусь попытками выделить один-два фактора, главных с моей точки зрения, точки зрения экономиста, черты, решающими для существования хозяйственной системы советского типа.

Конечно, решающим фактором существования советской и пост-советской экономики служит невероятная способность переносить материальные неудобства – как говорил Щедрин, «твердость в бедствиях».

И все же, я не думаю, что это специфическая особенность именно «советского человека» – Щедрин отмечал ее наличие в XIX веке, и я думаю, эта человеческая особенность существовала гораздо раньше, а то и всегда.

Это черта, использование которой позволило советской системе возникнуть и долго держаться, как способствовала и проведению дальнейших безумных экспериментов. Но для «Homo Sovieticus» нужно что-то более специфичное, не просто терпеливость.

Терпеливость работников использовалась и в других экономических системах – рабовладельческой, феодальной, хотя и не столь безграничная. Но создание и поддержание нерацио-

нальной экономической системы, как и восторг по поводу проведения заведомо обреченных на неудачу последующих экспериментов, требовало чего-то другого.

Конечно, советская система возникла на определенной – и благоприятной почве, однако «ташкентец» и «митрофан» – другой собирательный образ Щедрина в «Господах ташкентцах», речь о котором пойдет в другом месте, – или их комбинация были не просто перенесены на советскую почву, этого было недостаточно, понадобилось создавать специальный тип, и советская пропаганда была сознательно, четко и открыто направлена на формирование такого человека.

С моей точки зрения для того, чтобы создать советскую хозяйственную систему, поддерживать ее существование в течение 70-и лет, а затем участвовать в создании псевдорыночной экономики, считая, что вот это-то и есть настоящий рынок, надо обладать следующими двумя особенностями: трудностями в адекватном восприятии реального мира и сильной склонностью к его мифологизации.

Идеологическая обработка советского населения заключалась в первую очередь в развитии именно этих особенностей, хотя и не только этих.

Я подчеркиваю: развитию, а не созданию – создание такого рода психологии вряд ли было под силу даже советскому пропагандистскому аппарату. Но развить эти черты и до очень серьезных масштабов – это другое дело.

Неадекватность отражения окружающей среды и дополнение полученной картины воображением – обычные человеческие свойства, пока они не становятся гипертрофированными.

Одно из положений социальной психологии гласит, что мы действуем в соответствии не с окружающей средой, а своими представлениями о ней. Поступки человека становятся странными и даже опасными, для него и/или других, если его представление об окружающей среде слишком сильно расходятся с действительностью.

И советский человек верил, в то, что ему говорилось (правда, не всегда и не совсем, нередко он посмеивался над услышанным – стоит лишь вспомнить анекдоты советского времени). И все же ему можно было сказать, что он строитель коммунизма – некоего эквивалента сказочного царства, в котором текут молочные реки в кисельных берегах, что государство отмирает путем его укрепления, что с приближением бесклассового общества классовая борьба обостряется, что трудом считается только труд на государство и в его интересах, иначе это уклонение от производственной деятельности (от «общественно-полезного труда»), сколько бы он ни надрывался на своем участке или в подпольной мастерской. И дальше, дальше, в том же духе.

Так что же, «Homo Sovieticus» – это психически больной человек (или с серьезными отклонениями в психике), живущий в своем собственном мире, с той лишь особенностью, что он делит его с другими такими же особями – так сказать, вид коллективного помешательства?

Нет, и это неверно. Напомню, что советский человек жил – и продолжает жить, – в реальном мире и действует по его законам, все дело лишь в том, что этот мир ненормален по обычным человеческим меркам, то есть ненормален не столько житель этого мира, сколько мир, в котором он живет.

Однако всякая попытка действовать нормальным образом в ненормальном мире кончается плохо. С этой точки зрения «Homo Sovieticus» нормален (ну, да, с оговорками), нормален настолько чтобы понимать, что он должен действовать именно так, а не иначе.

Проблемы начинаются, если он думает, что это единственно нормальный мир. И к чести советских людей, очень многие из них понимали, что они живут далеко не в лучшем из миров.

В целом, «советский человек» такой же продукт тоталитарного режима, как и всякий другой. Вспомним нацистский режим в Германии в 1933—1945 годов. Сходство с советским режимом довольно большое, но представляет ли собой немец тех времен вариант «Homo Sovieticus»?

Ответ на этот вопрос – тема самостоятельного исследования. Отмечу только, что после краха тоталитарной системы поведение немцев вернулось к общепринятым нормам, а бывших советских граждан – нет.

Они продолжают строить что-то очень странное и, до сих пор все еще неработающее, хотя, судя по высказываниям в прессе, они – или многие из них, – очень довольны своими постройками: «рыночная экономика», «биржи», «свободные цены», хотя на самом деле речь идет о тяжело больной экономике, барахолках и инфляции.

Итак, я бы сказал, что «Homo Sovieticus» представляет собой вариант обычного «тоталитарного человека» с той разницей, что у него очень развита одна из особенностей такого человека: слабая способность адекватного восприятия окружающей действительности. И, как продолжение этой особенности (или ее компенсация), повышенная склонность к фантазированию.

Это, говоря языком математики, необходимо и достаточно, чтобы рассматривать советскую и постсоветскую экономику как «Страну чудес», и это еще одна причина, по которой я избегаю названия «Страна дураков» – ее жители не глупцы, они творцы, участники и наблюдатели чудес, хотя этим чудесам может быть подобрано и другое название (вспомним вышеприведенную цитату из Олега Мороза).

Важно отметить, что советский человек не создавал советской фантастической хозяйственной и политической системы – он был помещен в нее, там он воспитывался и работал, его создала эта система. Он не сам стал «Человеком, который смеется» Гюго, он, так же, как и у Гюго, был сделан таким, но он имел к этому склонность. Я подозреваю, что далеко не всякого индивидуума можно было бы запихнуть в железную вазу советской действительности и приспособить к ней.

Но представления советского человека иногда бывают просто поразительны (я беру почти только экономику). О более серьезных вещах, таких, как гиперинфляция, представленная как «либерализация цен», речь пойдет впереди, сейчас ограничусь примерами другого характера.

Ну, вот, например, развернутая публикация в «Огоньке», №6, за февраль 1990 года: «Конвертируемый рубль – зачем он нам нужен?»

Автор – кандидат экономических наук, явно знаком с западными финансами. И вдруг: «Конвертируемости своей валюты в широком смысле слова по сей день не добились ни одна страна, за исключением Люксембурга».

Нет конвертируемости валюты в широком или узком смысле слова, она есть или ее нет, и ряд валют конвертируемостью обладают: без ограничений обмениваются на другие, причем нередко без вашего участия – житель Германии мог заказать что-то в Америке, прийти в немецкий банк и заплатить марками, а продавец получал свою плату в долларах.

А что касается Люксембурга, то у него, строго говоря, своей валюты вообще нет, поскольку люксембургский франк – это вариант бельгийского франка, к которому он привязан в соотношении 1:1.

Откуда эти поразительные сведения об особом характере люксембургской валюты? – чистая фантазия, поскольку такие сведения почерпнуть просто неоткуда.

Еще пример фантазии на темы конвертируемости. «Гайдар спасает советский рубль» – заголовок к интервью с Егором Гайдаром в «Московских новостях», №11 от 15.03.92, где он заявляет: «Конвертируемость рубля по сравнительно стабильному обменному курсу зависит только от сотрудничества с мировым финансовым сообществом. Нет никаких внутренних причин, по которым эту задачу нельзя было бы решить к началу лета».

Вот и все. Нужно только договориться о курсе рубля, поскольку никаких внутриэкономических причин его жалкого состояния нет – экономика сама по себе, а валюта – сама по себе. И рубль спасен. А неприятной действительности совсем не нужно, и так обойдемся.

А вот свободная фантазия на тему инфляции. Экономическое приложение к газете «Российские вести» от 02.03.93, «Дело», №2, с подзаголовком «Издание для тех, кому надоели пустые слова».

Прочтя это, я сразу понял – обязательно найду что-нибудь сбивающее с ног. И не ошибся, и еще как: «Инфляция в разумных пределах (до 20% в год) существует практически во всех развитых странах и рассматривается там как „смазка“ экономики. Одновременно она является противовесом безработице и спаду производства».

Здесь каждое слово – ошибка. Нет «разумных пределов инфляции», есть терпимые, и это не 20 процентов, а 2—3, максимум 4%. Инфляция потребительских цен в 12-ти промышленно развитых странах в 1993 году в расчете на год составляла 1,6—4,6% («The Economist», September 4th, 1993, стр. 113), но уж никак не двадцать.

Никогда инфляция не была «смазкой» экономики или средством против безработицы и спада производства, в противном случае в России был бы самый высокий рост производства и полное отсутствие безработицы. Инфляция – всегда зло, но часто меньшее, чем спад производства и безработица.

Все остальное – чистая фантазия.

«Мы рождены, чтоб сказку сделать былью», как пел советский человек – и, судя по его действиям, продолжает так думать и сейчас. И поэтому его отношение к попыткам создать рынок напоминают надежды найти «скатерть-самобранку», а разговоры о создании твердой и конвертируемой валюты – поиски «неразменного рубля».

И поэтому эти опыты не удаются, а пока его реформаторы (те, кто, действительно, верят в реформы и надеются их провести) блуждают в сказочном мире, советский человек пытается как-то устроиться и выжить там, куда его опять поместили (я не говорю об уголовных или близких к ним элементах, драконах этой сказочной страны, которые выходят из пещер и начинают комфортабельно устраиваться на воле).

Эти попытки во многих случаях заслуживают уважения, хотя нередко они выглядят непривлекательно – как, впрочем, и жизнь советского человека. Виноват ли он в этом – этого я не знаю.

Что я знаю – это то, что задуманный системой «советский человек» из него не вышел. При всех своих особенностях и странностях он так и не продемонстрировал готовности работать из одной потребности к труду (иначе не пришлось бы создавать трудовые лагеря и насильно загонять его в них), и поэтому система начала осыпаться, трескаться и отступать – «перестраиваться».

Да, он – советский человек и все еще остается им, но совсем не такой, каким его хотела видеть система и за это стоит быть благодарным ему – или, хотя бы, чувствовать определенную признательность.

Если бы человеческую природу удавалось так переделывать, то диктаторские режимы оказывались несокрушимыми. К счастью, в большинстве случаев, как было сказано драматургом Евгением Шварцем в пьесе «Дракон» по прямо противоположному поводу, «материал не поддавался».

А пока что мы подошли к теме «реформаторы», на которую сейчас последует несколько слов. Я только хочу отметить, что в данном случае под реформаторами я понимаю, не таких имитаторов реформ, как Горбачев, Ельцин, Гайдар и других, а тех, кто в реформы верил, чисто-сердечно участвовал в их проведении или надеялся на их успех.

Советские реформы советской экономики

Сегодняшние (как, впрочем, вчерашние и, пожалуй, завтрашние) российские реформаторы – дети четкой и законченной хозяйственной системы, называемой советской экономикой, вне духовных рамок которой они не могут ни мыслить, ни действовать, пусть эти рамки формально уже не существуют (фактически они продолжают существовать, см., например, «The Economist», Jan. 17th, 2015, «...There is no longer much of a market economy»).

Эта система (как и марксистская идеология) наложила на них глубокий отпечаток и даже борясь с ней, они действуют ее собственными методами.

Впервые я отметил этот феномен в материалах экономического «самиздата» (машинописные публикации) семидесятых годов, где самая резкая критика советской хозяйственной системы проводилась с позиций той же марксистско-ленинской теории.

Например, одним из самых распространенных тезисов экономического «самиздата» было утверждение, что хозяйственный строй СССР представляет собой не социализм, а бесчеловечную и эксплуататорскую формацию – государственный капитализм, хотя никакого капитализма в советской системе не было, а «цена», «прибыль», «рентабельность» были не экономическими, а чисто арифметическими понятиями (например: предприятие убыточно? – повысим цены на его продукцию, станет рентабельным).

Другими словами, диссиденты взяли на вооружение ленинское определение госкапитализма и с его позиций выступали против ленинской хозяйственной системы.

Этот подход довольно широко распространен и часто встречается. Ну, например, в одной из публикаций 90-го года («Советская молодежь», 16.02.90) говорилось, что «строй, который мы с таким трудом (и с миллионными жертвами!) создали, является лишь имитацией социализма, а фактически – партийно-государственным капитализмом, то есть госкапитализмом в тоталитарном государстве. В этом случае капитализму сопутствуют элементы и крепостничества, и рабства, и феодализма», а тут уж от капитализма не остается ничего.

Поэтому я не был очень сильно удивлен (хотя все же удивился), увидев, что потомки этих диссидентов стали создавать рыночную экономику как бы руководствуясь описанными Марксом в «Капитале» рождением и развитием капитализма, сопровождающихся «массовым обнищанием трудящихся».

Этот реформаторский менталитет в большинстве случаев (но, все же, не всегда) хорошо укладывался в четыре строчки «Интернационала»:

Весь мир насилья мы разрушим
До основанья, а затем
Мы наш, мы новый мир построим,
Кто был ничем, тот станет всем.

«До основанья» в этих реформах обычно удавалось, но вот с «затем» было похуже. Обычно «наш, новый мир» оказывался очередной катастрофой. Однако, кто был «ничем» (независимо от занимаемого поста) нередко становился «всем», это правда.

Нет, конечно, это не было сознательной линией поведения. Просто они твердо знали, что переход к рынку связан с огромными жертвами (повторяю, я не имею в виду ни Горбачева, ни Ельцина, они руководились не теорией, а чисто практическими соображениями, о чем речь пойдет впереди), и сама рыночная экономика связана с огромным неравенством в имущественном положении, а все намерения иначе двигаться к рынку решительно отвергались бывшими коммунистами и их детьми, как попытки «сбить с толку народ», а сами эти попытки получили

презрительное название «популизма» – вполне в духе советских пропагандистских штампов, наподобие «космополитизма», «буржуазного гуманизма» и т. п.

Замечу, что выражение «популизм» стало использоваться точно так же и точно в тех же случаях, т. е. для оправдания необходимости жертв, в нынешнем Европейском Союзе.

Повторю, что другим компонентом этой ментальности, кроме единственно полученного марксистского образования, была внушенная системой уверенность, что полезные результаты достигаются только ценой жертв, и чем большими должны быть результаты, тем большими должны быть и жертвы, как и при построении коммунизма.

И советские граждане стали строить рыночное хозяйство так, как их учили строить коммунизм – составляя планы, намечая сроки и принося жертвы. Или соглашаясь с этой практикой.

Поэтому одним из немногих твердо усвоенных постсоветскими реформаторами положений западной экономической мысли были слова Милтона Фридмана о том, что «бесплатных завтраков не бывает».

Да, это, конечно, верно, но проблема заключалась лишь в том, что экономика, которую они взялись реформировать, никаких завтраков уже не создавала, но обитателей страны чудес это не смущало: главное то, что нашлось солидное обоснование для их менталитета.

Хорошим итогом сказанного могут быть слова Игоря Лавровского: «В нашем обществе по-прежнему сильна тяга к идеальному вне связи с реальностью. И по-прежнему хочется не улучшать, а разрушать („Социалистическая индустрия“, 12.02.89)».

Таким образом, можно видеть, что все происходившее и происходящее в «Стране Чудес» сделало возможным наличие двух основных особенностей ее жителей: неограниченная способность приносить жертвы и столь же неограниченная способность к фантазированию – то есть наличие «советского человека», жителя этой страны.

Что же касается положений несколько более практического характера, то реформаторы Страны Чудес были в изобилии снабжены ими теми энтузиастами с Запада, которые не будучи в состоянии справиться с собственными проблемами, не сомневались в своих способностях решать чужие проблемы в абсолютно неизвестной им стране (см., например, оценки таких экспертов в ежегодном докладе 1992 года «Economic Survey of Europe» экономической комиссии ООН по Европе и яркое сообщение о нем в «The Times» от 06.04.92).

Итак, если реформаторы и участники хозяйственных процессов конца восьмидесятых – начала девяностых годов (а то и более поздних времен) вышли из советской хозяйственной системы, то чтобы понять те чудеса, которые происходили в российской экономике вчера, да и сегодня, надо знать ту систему экономических чудес, на которых она основывалась позавчера.

Вот этим «вчера» и «позавчера» мы и займемся, что, может быть, сделает более ясным и «сегодня», а заодно попробуем подумать о «завтра»: нельзя ли, как говорил Ленин, «пойти другим путем» (зря я, что ли изучал марксизм-ленинизм в школе, институте и аспирантуре).

POST SCRIPTUM: Я узнал, что в России имеется Институт Экономической Политики им. Е. Т. Гайдара (сам по себе вполне достойная организация). А это значит, что далеко не все разобрались в том, что произошло в 1991 году. И до тех пор, пока в России существуют организации имени Гайдара, до тех пор будет существовать и экономика имени Гайдара, и все так же будет ждать Буратино, когда из монетки, зарытой на Поле Чудес, вырастет дерево с золотыми листьями... И это еще один повод для написания этой работы.

Часть первая. Начало – семьдесят первый

Отъезд

Москва. 1971 год. Телефонный звонок.

– С вами говорят из ОВИРа (Отдел виз и регистраций – выдача выездных виз, но по большей части отказ). Вы почему не берете приготовленную для вас визу?

Ну, это уникальный звонок: все мои знакомые по отъезду – и не куда-нибудь, а в Израиль – стараются вырвать выездную визу из пасти ОВИРа, а я ее, видите-ли, никак забрать не соберусь.

– У меня нет всех необходимых документов! Я никак не могу получить справку о сдаче квартиры!

В ОВИРе мгновенно схватывают обстановку – не первый раз, видно.

– Вы живете в кооперативном доме?

– Да, в кооперативе научных работников Института имени Плеханова, где я работал.

– Приходите за визой. Выдам под честное слово, что вы донесете эту справку в ближайшее время. Не сделаете – не выпустим: предупрежу все контрольно-пропускные посты (это, стало быть, в аэропортах: во Внуково и Шереметьево).

– Да что вы, какие шутки с ОВИРОм!

– Это хорошо, что вы понимаете, что с нами шутить не надо. До завтра!

Поняла, что налицо гадостная и не такая уж мелкая месть бывших коллег – и приняла во внимание! Ну, надо же!

Завтра. ОВИР.

– Вот ваша виза. Поскольку она какое-то время лежала здесь, я могу вам дать только четыре дня на отъезд. Немедленно идите в отдел международных линий Аэрофлота (кажется, так) и постарайтесь получить билет на эту дату. Если билетов не будет – на ближайшую возможную. В этом случае позвоните мне.

Четыре дня! А мне нужно не только билет купить, но еще хотя бы книги на таможенную сдать, и все это нельзя было сделать заранее – виза нужна! А эта чертова справка – ведь они требуют сделать ремонт, кстати незаконно, или выложить восемьсот рублей, которых у меня давно уже нет: доцентская зарплата в основном уходила на выплату этой самой кооперативной квартиры, а последние два месяца я вообще жил главным образом на зарплату лифтера, сорок семь рублей с копейками плюс чаевые и остатки сбережений!

Конечно, взносы за квартиру со временем вернут, но моим родственникам – меня уже (надеюсь!) не будет. К счастью, среди моих друзей и соратников по отъезду находится благодетельница, которая ссужает мне восемьсот рублей (беру слово с родных, что когда они получают деньги, то расплатятся с ней, и слово было сдержано), и я получаю проклятушую справку.

Но прежде всего – Аэрофлот. У меня выбор: билет на самолет Аэрофлота или австрийской авиалинии, поскольку в те времена в Израиль прибывали не прямо, а через перевалочный лагерь в местечке Шонау под Веной. Так что сначала Вена, потом Шонау, снова Вена, когда подойдет твоя очередь, и Тель-Авив.

Мне нужен австрийский самолет, поскольку бывали случаи, когда моих знакомых уже перед взлетом вытаскивали из самолета и брали на обыск, где их раздевали догола, ища записные книжки и другие записи. А у меня могли быть (и были) записи и поручения, касающиеся наших выездных дел, о которых надо было немедленно информировать представителя Мини-

стерства иностранных дел уже в Шонау: некоторые из нас, например, находились под угрозой ареста, и в этом случае нужно было сразу начинать кампанию в их защиту в западной прессе.

Но если я благополучно пройду сквозь «таможенный» досмотр в аэропорту (иногда он, действительно, был только таможенный, ничего не скажешь) то из австрийского самолета меня уже не вытащат – это территория Австрии.

Ну, подхожу к Аэрофлоту и с замирием сердца спрашиваю стоящего у входа милиционера, которому я должен предъявить визу – розовый листок с фотографией, со временем получивший широкую известность в России и Израиле – единственный документ эмигранта: «А вы не знаете случайно, есть на... число билеты на австрийский самолет?» – «Нет, все раскуплены.»

– Ну, слава Богу!..

– Это приятно, что вы не хотите уезжать.

Ну, какое там «не хочу» – еще как хочу, но такое отношение трогает. Кстати, не первый случай такого рода за последнее время.

И вот, успокоенный и растроганный, вхожу в пустое помещение – только три девушки-служащие за прилавком, и спокойно спрашиваю: «Есть билет на австрийскую линию на такое-то число?»

И, как громом пораженный, слышу: «Есть».

– Да как же я справлюсь за четыре дня!

– Да что вы, в самом деле! Позвоните в ОВИР (здесь тоже в курсе дел) и скажите, что билетов нет. На три дня позже устроит?

– Еще как!

– Лен, оформи молодому человеку билет.

Лена. Симпатичная девушка, не красавица, но очень симпатичная и все-таки красивая – «хорошенькая» ей очень не подходит.

Лена, занимаясь билетом, начинает вполголоса разговор со мной.

– Очень вас мучили?

– Да вы знаете, не слишком. С работы выгнали, и это почти все.

Ну, такого участия, да еще в официальном месте я не ожидал. Девчонки то ли не слушают, то ли делают вид, что не слышат.

– А у вас сейчас какой-то важный праздник? Я проходила мимо синагоги и там было очень много народа. Это, наверное, самый важный ваш праздник?

Я чувствую себя глубоко тронутым. Ну и место этот Загронаэрофлот! Голова начинает кружиться.

– Один из самых важных. И во всяком случае, самый веселый (Симхат Тора; про Пурим я тогда не знал).

– Я так и поняла. Там было очень много людей и они веселились.

Такое серьезное, красивое лицо. Ну, почему я тебя не встретил раньше, а только теперь, когда у меня, не считая дня отъезда, остается шесть дней?

– Лена, если бы у вас было сегодня вечером немного времени, мы бы могли больше поговорить.

Лена как-то неуверенно смотрит в сторону – в сторону своих коллег, одна из которых, глядя перед собой и с нейтральным видом, произносит громким шепотом: «Соглашайся!»

– Да, мы могли бы увидеться – там-то и тогда-то.

Выхожу из Аэрофлота и звоню в ОВИР.

– Хорошо. Когда принесете справку о квартире, я исправлю вам дату.

Вечер.

– Спасибо, что пришли, Лена.

– Ведь я же обещала.

Такая чудесная улыбка. Мы разговариваем о том о сем, и когда я говорю, что последнее время работал лифтером, ее лицо становится грустным. Но я уверяю ее, что это было не худшее время в моей жизни.

Во-первых, я был почти уверен в отъезде. Сам я шума не поднимал, весь шум вокруг меня устроила перепуганная Плехановка (я был первым в Москве преподавателем высшей школы, подавшим на выезд), где меня не только выгнали, но и потребовали забрать все дипломы. Дурацкое требование «наверху» игнорировали, но о происшедшем стала писать западная пресса, и я стал неудобной фигурой, от которой, видимо, постарались поскорее отделаться.

Я, кстати, написал в ЦК КПСС протест против действий Плехановки, отметив, что для того, чтобы я перестал быть ученым, у меня надо забрать не дипломы, а голову (будучи уверенным, что сегодня мне это не грозит). Потом все это появилось в «самиздате» и тоже попало на Запад.

Это было второе обстоятельство, придававшее мне уверенность – прикрытие западной прессы. Если бы со мной что-то случилось, мои друзья известили западных корреспондентов в Москве, а те передали информацию в свои пресс-агентства.

Возможно, мои надежды могли быть преувеличены, но, во всяком случае, они меня успокаивали. Что мне действительно угрожало, это безработица, создававшая возможность обвинения в «тунеядстве» и высылки на 101-й километр из Москвы. Тогда конец моим контактам и, соответственно, прикрытию. А там принудительная и самая примитивная работа, уборка улиц, например, а отъезд был бы весьма и весьма проблематичным. А я становился примером того, что может случиться с человеком, слишком серьезно воспринимавшим обещания советского правительства о воссоединении семей.

Нужна была работа и хоть какая-то зарплата. С записью в трудовой книжке «уволен из-за несоответствия требованиям, предъявляемым к советскому ученому» (которой я очень гордился – я вам официально не советский, а настоящий ученый), устроиться на работу хоть сколько-нибудь близкую к моей специальности, даже цеховым экономистом на каком-нибудь заводе, нечего было и думать.

Я стал принимать меры. Прежде всего, по совету друзей, я послал заявление в районный отдел трудоустройства с просьбой предоставить работу по специальности – доцент на кафедре планирования народного хозяйства. Оно служило кое-каким прикрытием от обвинений в уклонении от общественно-полезного труда. Ответа я, естественно, не получил.

Второе – найти работу, на которую бы меня взяли – простую, но где не хватало рабочей силы. Меня взяли почтальоном (по разноске телеграмм), но через два дня, когда Би-Би-Си передало, что советский ученый, захотевший уехать в Израиль, разносит почту, меня вызвали в отдел кадров и сообщили, что человек с высшим образованием такую должность занимать по закону не может – снова увольнение.

Я стал принимать новые меры. Прежде всего, я попросил друзей ничего не говорить западным журналистам, чтобы меня не выгнали второй раз. Во-вторых, надо было найти работу, где был очень сильный дефицит рабочей силы и куда меня бы взяли несмотря ни на что. Таую работу я нашел – лифтером.

Есть правило, по которому лифт не должен работать без лифтера, которых очень не хватало – мало желающих работать за 45 рублей (минимальная зарплата в те времена), поэтому лифт, запертый на замок, был нередким зрелищем в Москве. Стало быть, лифтер. Работа, как говорится, не пыльная, и можно возле лифта учить иврит – самоучители из Израиля у нас были.

Оставался вопрос о моем высшем – еще как высшем! кандидат наук и доцент, – образовании. И тут мне повезло!

Вхожу в местный ЖЭК (жилищно-эксплуатационную контору), в комнатку начальника – начальницы в данном случае – отдела кадров, и слышу:

– Здравствуйте, Александр Владимирович!

Стою в полной растерянности.

– Я ваша бывшая студентка. Хотите у нас поработать? Могу послать вас на курсы лифтеров-диспетчеров, зарплата будет чуть больше (47 рублей с копейками) и ни о чем не беспокойтесь (в смысле о моем сверхвысоком образовании).

Тоже в курсе дела? Би-Би-Си слушает? Ну, удачная встреча!

И через месяц курсов, после блестяще сданных экзаменов, я становлюсь дипломированным лифтером-диспетчером. Впрочем, работаю простым лифтером в четырнадцатэтажном доме-башне, в районе новостроек, что, как впоследствии выяснилось, было очень хорошо, неподалеку от своего дома, что тоже очень удобно. Зарплата без никаких, 47 рублей, вместо обычных 45.

Лена, которая сначала слушает с грустным и сочувственным видом (как приятно, что она переживет за меня!), постепенно светлеет, затем начинает улыбаться и под конец смеяться – я стараюсь, чтобы рассказ звучал как можно веселее.

– Но я думаю, вам на самом деле было совсем не так весело.

– Лена, если бы я действительно скатился почти в самый низ общества, это было бы невесело. Но это был промежуточный шаг к выезду, в котором я был почти уверен, а это совсем другое дело. Вот послушайте.

Вокруг шло жилищное строительство и дом, где я работал, был тоже новый.

– Вы еще сказали, что это было хорошо.

– Вот-вот, я к этому и иду. Комнатка для лифтеров была одновременно и помещением для строителей, работавших в окружающих домах, где они собирались на перерыв. Это был простой и очень хороший народ, для которого я придумал историю, чтобы не вызывать слишком большой сенсации.

Я рассказал им, что, конечно, всегда можно найти работу на сто рублей, но я заочно учусь в Институте восточных языков, чтобы они не удивлялись, почему у меня с собой книжка со странным шрифтом – самоучитель иврита, а здесь я могу спокойно заниматься.

Это встретило полное понимание и одобрение, одна женщина даже сказала: «Вот-вот, молодец, учись; не то, что мой, которого учиться не загонишь». Я охотно находился в их обществе, которое было приятнее общества моих трусливых, а иногда и подловатых коллег, какими они оказались после того, как я попросил требуемую ОБИРом характеристику «для выезда на постоянное жительство в Израиль».

– Да зачем же нужна характеристика, если вы уезжаете насовсем?

– Именно для того, чтобы я сам донес на себя по месту работы и облегчил работу «соответствующим органам». Другую бумагу я должен был представить из домоуправления, что они не возражают – нет претензий ко мне, задолженности, и донести на себя и по месту жительства. На такие самодоносы далеко не каждый мог решиться, и это заметно сокращало число желающих обращаться за визой в Израиль.

– Но вы не испугались?

– Дело не в храбрости, мне так все это надоело, что море было по колено. Я считал, что передо мной открывается другая, более осмысленная жизнь, где, не в последнюю очередь, я смогу заниматься экономикой так, как я могу и умею, а не повторять «решения партии и правительства», доведшие страну до кризиса. Простите меня, Лена, если я задел ваши чувства и убеждения.

– Нет, Алек. Я думаю, что вы правы, поскольку только хороший специалист мог решиться на отъезд, плохой знал бы, что ему на Западе «не светит» и цеплялся за свое место здесь. Да и мой папа похожие вещи говорит. Но вы не должны обижаться на ваших бывших коллег, они просто боялись за себя.

– Это я понимаю, Леночка, но даже бояться можно по-разному, при этом не обязательно шлепаться на все четыре копыта. Я тоже далеко не сразу решился прыгнуть в холодную воду с такого теплого местечка, какое было у меня.

Но вернемся к моей новой работе.

У нас было два лифта, один из которых мог служить грузовым. Он был побольше и его можно было выключить на время загрузки, а потом включить. Вы заметили, что пол в лифте немного подвижный, когда вы входите, он чуть-чуть опускается и нажимает на так называемый «подпольный контакт». Тогда для управляющей лифтом автоматики лифт занят и не реагирует на другие вызовы, его нельзя «угнать». А включается подпольный контакт от нажима не менее 14-ти килограмм, я все это на курсах выучил (речь идет о лифтах 70-х годов).

Так вот, если переезжающие в дом и перевозящие мебель люди (частый случай, поскольку дом был новый) ставят в лифт, скажем, стул и идут за другими вещами, лифт тем временем могут угнать – стул недостаточно тяжелый, чтобы лифт был занят.

Нередко лифтеры вообще не дают грузчикам пользоваться лифтом: «Опять стенки лифта обдерете!» А я приглашаю их пользоваться грузовым лифтом, который на время его загрузки выключаю, потом включаю и, если надо, сам отправляю его наверх, а потом все сначала. Я даже помогаю грузчикам загружать лифт, а жильцы тем временем пользуются вторым, чисто пассажирским лифтом. Я сам переезжал два раза и знаю, что это такое.

Это обычно ценится и я получаю, по большей части от грузчиков, рубль или чуть больше, что служит некоторой добавкой к моим сорока семи рублям. Но один раз у меня был особый случай. Вот послушайте.

– Ой, Алек, это все так интересно!

– Так вот, приезжает машина, и грузчики начинают меня обхаживать: «Мы люди хорошие, мы тебя не обидим» и дальше в этом роде, но как-то неуверенно – видно, боятся, что им запретят пользоваться лифтом. Отвечаю, что я в этом не сомневаюсь, а пока, как обычно приглашаю их использовать грузовой лифт и помогаю им по мере сил.

Переноска вещей заканчивается и один из грузчиков говорит бригадиру: «Ну, расплатись с человеком», и тот говорит мне: «У тебя рубль есть?» Ну, думаю, хочет получить сдачу с трешки, то есть дать мне целых два рубля!

И представьте, Лена, он, в ответ на мой рубль, протягивает мне пятерку! Ну, никак не ожидал! Это был выдающийся день в моей лифтерской практике.

Лена хохочет.

– Так вас не оскорбляют чаевые?

– Лена, попробуйте жить на 47 рублей. И, кроме того, я считаю, что я их честно заработал – помог людям переехать.

Мои друзья спрашивали, что я делаю, если мне дают деньги. «Что делаю? Говорю: спасибо вам, гражданочка, большое!» Я бы и шапку снял, да это уже выглядело бы чересчур.

– Ну, Алек, вы же, все-таки, доцент, преподаватель.

– Леночка, конечно, я был тогда единственным в мире лифтером с научной степенью и званием, и с печатными работами.

Лена сгибается от смеха.

– И все-таки, я там был не доцентом, а лифтером – не больше и не меньше. Вот и все.

– Алек, я вас должна познакомить с родителями. Папа будет в восторге!

– Да с радостью, Лена!

– Тогда завтра. Встречаемся здесь и идем к нам домой – я живу здесь рядом, так что провожать меня не нужно.

Лена прощается и уходит. «Ну что ты делаешь? Ты же влюбляешься в нее! И это при шести днях до отъезда!.. И все-таки... Кто знает, как все повернется».

Следующий вечер. Лена приводит меня к себе и знакомит с родителями. Очень приятные люди, у которых я вызываю несомненный и повышенный интерес – это понятно. Для них я гость из другого мира. Но у меня впечатление, что это не просто интерес к чему-то необычному. Ко мне приглядываются, стараются понять, изучают. Я что-то большее, чем редкий гость, это чувство не оставляет меня.

– Так работа лифтером не угнетает вас?

– Нет, нисколько.

– Но вы едете для того, чтобы помимо прочего и, конечно, очень важного для вас, продолжить занятия научной работой. Вы намерены заняться экономикой Израиля?

– Нет, я полагаю, я не скоро начну разбираться в ней. Моя специальность – экономика Советского Союза, и я надеюсь продолжить работу над ней.

– Это в Израиле?

– Я думаю, что происходящее в Советском Союзе важно для всего мира и понимание этого необходимо – и не так просто.

– Ну, да: «Умом Россию не понять, аршином общим не измерить».

– Насчет аршина согласен, а что касается ума, то умом можно понять очень многое.

«Не увлекайся. Если кое-где станет известно, что у тебя уже есть кое-какие и довольно интересные результаты, тебя и попридержать могут. „Им“ такое понимание ни к чему, особенно, если оно станет известным на Западе, а о папе я знаю слишком мало, даже если он и критически настроен.»

– Да, здесь есть проблемы, например, в экономической прессе давно и много пишут о большом количестве денег на руках у населения, создающего повышенный спрос. Один рост вкладов в сберкассах чего стоит.

«А папа, похоже, имеет отношение к экономике».

– Да, считается, что у населения слишком много денег, но я вижу проблему по-другому: не денег много, а товаров мало.

– А это не одно и то же?

Папа полностью завладел разговором со мной. Неужели интересуется моей квалификацией или хочет узнать, что я за человек. А, может быть, и одно, и другое?

– Я думаю, что нет, Григорий Семенович. Это в математике если А больше Б, то Б меньше А – одно и то же. Я полагаю, что в экономике это два разных случая и лечиться они должны по-разному.

– Вы могли бы пояснить вашу мысль? Это выглядит и интересно, и необычно.

Лена выглядит как-то напряженно. Бойтся, что я скажу что-нибудь лишнее или беспокоится, какое впечатление я произведу на папу? Или и то, и другое?

– Конечно Григорий Семенович. Если «А» – денежные средства населения, а «Б» – потребительские товары и услуги, то случай «А больше Б» действительно означает, что чрезмерные деньги надо изымать – налогами, ценами и замораживанием зарплаты. Но если «Б меньше А», то это тот случай, о котором я говорил: не денег у людей слишком много, а товаров слишком мало, и тогда надо увеличивать производство потребительских товаров и услуг, а не повышать на них цены, что только обостряет ситуацию.

– А как определить какой налицо случай: А больше Б или Б меньше А?

– С помощью статистики уровня жизни. Загляните в статистические ежегодники ЦСУ (Центральное Статистическое Управление) «Народное хозяйство СССР» в том или ином году, в статистику уровня жизни, и увидите, что происходит. Посмотрите, сколько потребляется мяса, овощей, фруктов и сколько картошки и хлеба. Только молоко неплохо выглядит.

С товарами длительного пользования тоже не блестяще: телевизоры – в каждой второй семье, холодильники – в каждой третьей, пылесос – в девятой. Про автомобили уж и не говорим. А есть еще и мебель.

Другими словами: спрос не насыщен, «Б» меньше «А». А насчет «много денег» вы часто встречали людей, у которых много денег? Большинство до полочки не дотягивает.

– И к ним относитесь вы? – с улыбкой.

– Теперь да, даже с чаевыми.

Мы все смеемся.

– Хм... Вот что оказывается можно сделать даже с официальной статистикой.

– Очень много. Особенно, когда другой нет.

– Ну, подумать только, каких теперь лифтеров можно встретить!

– Почтальонов тоже, Григорий Семенович. По нынешним временам они могут иметь очень даже высшее образование.

Мы смеемся.

Разговор уходит от экономики и переходит на другие темы, в основном о моем житье-бытье. Мной явно интересуются. Приятно, конечно, но почему – ведь я через пять дней уеду? И такое впечатление, что этот интерес идет дальше простой курьезности – доцент-лифтер.

Я прощаюсь, мы договариваемся, что я приду послезавтра и Лена идет меня провожать. Мы улаживаемся, что встретимся в парке завтра.

Завтра. Четыре дня до дня отъезда.

– Жаль, что мы встретились только теперь, перед вашим отъездом.

– Лена, если бы не мой отъезд, мы бы не встретились никогда. Это было бы еще более жалко.

– Видите разницу?..

– Да. Мы знаем друг о друге. А об остальном надо подумать, и если вы захотите, что-то можно будет найти.

– Конечно хочу, милый...

Мы обнимаемся и целуемся.

– Леночка, мы обязательно встретимся еще раз и больше не расстанемся. Я уже вижу кое-какие возможности, но сначала надо поговорить с твоими родителями. Сегодня наш второй день. Я думаю, твоим родителям надо дать еще один, и послезавтра я поговорю с ними.

Завтра, у Лены. До отъезда три дня.

Дома у Лены еще один гость, с которым меня знакомят. Это обнадеживает, меня не прячут – или хотят показать гостю какие бывают случаи в жизни?

– Григорий Семенович рассказал мне о вашей концепции с А и Б, надеюсь вы не против? Мы с друзьями время от времени обсуждаем такие вещи, но то, что вы сказали, мы нигде не встречали. Все время «у населения много денег». Между прочим рост вкладов в сберкассы действительно впечатляющий.

– Верно. Часть его представляет то, что называется «нормально отложенный спрос», когда собирают деньги на покупку дорогостоящих предметов: телевизоров, холодильников, мебели, а то и машин. Но значительная часть этих вкладов, которые растут гораздо быстрее, чем зарплата, это деньги, которые не удастся потратить желаемым образом.

– Что вы имеете в виду?

– Не на продукцию, изготовленную не для потребителя, а для выполнения плана. И кстати, за год вся промышленная продукция выросла на 21,4 миллиардов рублей, а так называемая продукция культурно-бытового и хозяйственного обихода – потребительские товары, – на 1,6 миллиарда, в тринадцать раз меньше. Не в два, не в четыре, а в тринадцать («Народное хозяйство СССР 1922—1972», стр. 129, 206).

– А у вас и на это есть объяснение?

– Петр Васильевич, а вы знаете анекдот за что закрыли «Радио Ереван»? За то, что они не сумели объяснить, в чем разница между ревизией марксизма и его творческим развитием. Я полагаю, что если бы они сумели объяснить, они бы одним закрытием не отделались (смех).

Но вам я кое-что скажу. В соответствии с марксистской теорией должен существовать примат первого подразделения: преимущественное развитие тяжелой промышленности по сравнению с легкой. И тут возникает вопрос: каким это преимущество должно быть и зачем оно? И это все, потому что здесь мы входим в сферу влияния политики на экономику. Так что вы уж меня извините.

– Я все лучше и лучше вас понимаю. Жаль, очень жаль, что мы теряем такого экономиста, но я вижу, что у вас, действительно, нету выхода. И я думаю, что вы были очень хорошим преподавателем. И я также думаю, что не вы один уезжаете по сходным причинам – в том числе и по таким причинам.

– Петр Васильевич, в моей характеристике с места работы, которая требовалась для ОВИРа, много чего было написано – и мелкобуржуазный национализм, и замкнутый, и необщительный, но что касается работы, было только перечислено, чем я занимался: лекции, семинары и прочее. И ни одного слова критики.

– Представляю, каким вы были преподавателем, если даже в этом случае они не посмели сказать о вас ничего плохого. А почему замкнутый и необщительный, вы же совсем не такой?

– Да я, когда решил уезжать, резко сократил контакты с коллегами, чтобы никого не подводить «связями с сионистом». А администрации это пригодило: скрывал свое истинное лицо, вот и не удалось его вовремя разглядеть. Вообще, они сильно перетрусили, что их обвинят в «политической слепоте», и это было видно.

Когда я попросил женщину-офицера МВД (Министерство внутренних дел), которая занималась нами, прочесть мою характеристику – обычно их не читали: донес на себя, выгнан, и в порядке, – она сильно наклонила голову и прикусила губы, чтобы скрыть смех. А я получил большое удовольствие.

Петр Васильевич прощается и крепко пожимает мне руку: «Удачи!» Я тоже встаю, но папа говорит:

– Алек, задержитесь немного, мне бы надо потолковать с вами.

Лена поощрительно улыбается. Мама улыбается тоже.

Мы идем в кабинет Григория Семеновича.

– Алек, Лена мне кое-что рассказала, так что, я думаю, я могу попросить вас: заберите девчонку. Ей здесь не место. К ней уже ее начальник подкатывается, чтобы она с ним спала. Я даже не прошу вас на ней жениться, главное, чтобы она хотя бы первое время была не одна, чтобы было на кого опереться. Ведь она сможет въехать в Израиль?

– Григорий Семенович, я ничего другого не хотел бы, как жениться на Лене. Но я лицо без гражданства, и даже если бы у меня был требуемый ЗАГСом месяц, без паспорта брак вряд ли может быть зарегистрирован. Въехать в Израиль, как я понимаю, Лена может в трех случаях: как моя жена – это сейчас невозможно, как туристка, получив здесь въездную визу – тоже вряд ли возможно, и попросив политическое убежище, но для этого сначала надо выехать из СССР.

– Алек, есть способы. Главное – надо выехать из страны, а там вы ее встретите.

– Точно! Я вижу ряд возможностей, но вам в любом случае придется плохо. Вы ведь член партии?

– Да, и с персональной пенсией.

– Вас исключат из партии, вы потеряете персональную пенсию и получите обыкновенную, что так себе.

– Алек, плевать мне на это, для Лены мы готовы на все. И есть кому нас поддержать в случае необходимости.

– Тогда Лене нужно только – только! – оказаться за границей. Как вы сказали, есть способы. Сравнительно легко добиться туристской поездки в Финляндию.

– Алек, они выдают беглецов, есть соглашение с Союзом!

– Знаю, Григорий Семенович, знаю. В Финляндии Лене надо будет купить билет на поезд в Швецию, в Стокгольм, для чего надо будет суметь отстать от группы, а на границе я постараюсь ее встретить.

Второй способ – получить туристическую путевку в Австрию, а еще лучше – на Кипр, где встретить ее еще проще.

Третий способ – добиться стажировки в качестве стюардессы на несколько недель, и остаться в Вене, где я ее тоже смогу встретить, я надеюсь.

Но во всех случаях придется просить политическое убежище, поскольку паспорта у нее не будет. Он будет находиться у руководителя группы.

– Вот этот третий способ самое реальное. У меня есть связи, благодаря которым я устроил ее на работу в иностранный отдел Аэрофлота. Думаю, что добьюсь и этого.

– И еще одно: мне нужно не меньше четырех, а, скорее всего, шести месяцев, чтобы устроится и хоть как-то встать на ноги. Эмиграция – очень тяжелая вещь, даже если есть помощь государства.

– Договорились, Алек.

– Остается договориться, как я узнаю, когда Лена попадет за границу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.